

А.Ю. МЕЛЕНТЬЕВ

**ОСНОВНОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЗАКОН**

**В КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТОГО
СОЦИАЛИЗМА**

А.Ю. МЕЛЕНТ

**ОСНОВНОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЗАКОН**

**В КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТОГО
СОЦИАЛИЗМА**

МОСКВА ЭКОНОМИКА 1985

ББК 65.011.7
М47

Рецензенты:

докт. экон. наук, проф. **В. В. Куликов**
докт. экон. наук, проф. **А. К. Покрытан**

М $\frac{0603010200-034}{011(01)-85}$ 8-85

© Издательство «Экономика», 1985

Конкретизация концепции развитого социалистического общества — не только главный итог современного этапа теоретической работы ученых-обществоведов, но и генеральная линия предстоящих научных изысканий. Хотя в «научных исследованиях последних лет раскрываются различные стороны зрелого социализма»¹ и «в своей теоретической деятельности КПСС опирается на лучшие труды советских философов, экономистов, историков, социологов, юристов, психологов»², задача адекватного отражения общественными дисциплинами новой ступени эволюции первой фазы коммунистической формации еще не нашла своего окончательного решения, отвечающего требованиям теории и практики социалистического и коммунистического строительства. «На магистральном направлении развития общественных наук, — отмечалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, — должна находиться проблематика зрелого социализма. Речь идет о том, чтобы, отправляясь от уже добытых истин, двигаться вперед, расширяя наш теоретический горизонт, углубляя представления о важнейших закономерностях экономического, социально-политического и духовного прогресса страны»³.

Актуальность дальнейшей разработки концепции зрелого социалистического общества возрастает в связи с подготовкой новой редакции Программы КПСС, которая «должна быть прежде всего программой планомерного и всестороннего совершенствования развитого со-

---

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981, с. 78.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года. М.: Политиздат, 1983, с. 32.

³ Там же.

циализма, а значит, и дальнейшего продвижения к коммунизму»¹.

В комплексе социальных наук, разрабатывающих различные стороны единого учения о развитом социализме, особая роль принадлежит политической экономии. Именно на базе политико-экономической концепции зрелого социализма новая Программа КПСС призвана «ясно раскрыть изменения, которые произошли в структуре нашей экономики, подчеркнуть и уточнить задачи долговременного порядка»². Огромная значимость социально-экономического аспекта теории развитого социалистического общества отмечалась в речи Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища К. У. Черненко на юбилейном пленуме правления Союза писателей СССР 25 сентября 1984 года. «Теоретическая мысль партии вооружила нас концепцией развитого социализма, — сказал он, — Сила этой концепции — в том, что она позволяет четко определить достигнутую нами степень социально-экономической зрелости нового общества, точнее представить себе наши ближайшие и перспективные цели»³.

Определяющее звено структуры социалистических производственных отношений составляют основное производственное отношение и регулирующий его основной экономический закон. В своем существенном содержании они выступают основным производственным отношением и основным экономическим законом коммунистического способа производства в целом. Не случайно поставленная партией задача глубокого научного раскрытия качественных изменений в системе производственных отношений, с которыми связан достигнутый этап исторической эволюции коммунистического (в широком смысле) общества, послужила импульсом усиления внимания к вопросам основного экономического закона, особенностей его действия в современных условиях⁴.

Цель настоящей книги состоит прежде всего в даль-

---

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года, с. 8—9.

² Материалы XXVI съезда КПСС, с. 78.

³ Коммунист, 1984, № 14, с. 5.

⁴ Только в последние годы этим вопросам специально или в значительной мере посвящены следующие крупные работы: Основной экономический закон социализма / Под ред. В. Н. Черковца. М.: Наука, 1978; Каманкин В. П. Экономические интересы развитого социалистического общества. М.: Мысль, 1978; Система эко-

нейшей политико-экономической конкретизации ряда сформулированных в партийных и государственных документах последних лет и рассмотренных в литературе, но еще относительно недостаточно разработанных методологических критериев вычленения ступени зрелости первой фазы коммунистического способа производства (I глава). С позиций этих критериев предпринимается попытка выявления специфики содержания основного закона коммунистического способа производства на современном этапе его исторической эволюции (II глава). Представляется, что рассмотрение основного экономического закона «сквозь призму» концепции зрелого социализма плодотворно с точки зрения изучения перспектив развития системы социалистических производственных отношений, научного прогнозирования эволюции ее отдельных структурных групп в процессе продвижения к высшей фазе коммунизма. Некоторые вопросы этой эволюции, имеющие, по мнению автора, важное значение для дальнейшей разработки теоретических основ совершенствования хозяйственного механизма, для приведения последнего «в соответствие с самыми высокими, самыми требовательными и, конечно, научно обоснованными представлениями о социализме»¹, затрагиваются в заключении.

номических законов социализма / Под ред. А. Д. Смирнова. М.: Мысль, 1979; Ожерельев О. И. Механизм действия основного экономического закона социализма. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979; Экономические основы всестороннего развития личности / Под ред. Ф. М. Волкова, Е. И. Рузавиной. М.: Изд-во МГУ, 1979; Агеев В. М. Экономические категории социализма: системный анализ. М.: Мысль, 1980; Абалкин Л. И. Диалектика социалистической экономики. М.: Мысль, 1981; Латышева Г. И. Основное отношение и высшая цель общественного производства при социализме. М.: Наука, 1981; Медведев В. А. Социалистическое производство. Политико-экономическое исследование. 2-е изд. М.: Экономика, 1981; его же. Управление социалистическим производством: проблемы теории и практики. М.: Политиздат, 1983; Черковец В. Н. Социализм как экономическая система. М.: Экономика, 1982; Шаталин С. С. Функционирование экономики развитого социализма: теория, методы и проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1982; Цаголов Н. А. Вопросы теории производственных отношений социализма. Избранные произведения. М.: Изд-во МГУ, 1983; Экономический строй социализма. Т. 1. М.: Экономика, 1984.

¹ Коммунист, 1984, № 14, с. 6.

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА**

---

§ 1. Две формы эволюции системы производственных отношений. Политико-экономические критерии смены фаз способа производства и возникновения ступеней в рамках фаз

Марксизм-ленинизм четко разграничивает две основные формы развития производственных отношений. Первая — развитие производственных отношений в ходе смены способов производства. Вторая — их движение в исторических пределах отдельного способа производства. Данные формы принципиально различны.

Каждый способ производства, как известно, конституируется специфической системой производственных отношений (и регулирующих их экономических законов). Смена способов производства поэтому предполагает коренное изменение присущей уходящему с исторической сцены способу производства системы производственных отношений (экономических законов) и прежде всего — устранение наиболее глубинных, сущностных ее элементов («системообразующих» производственных отношений и экономических законов), основного отношения и закона. В то же время эта смена означает возникновение соответствующих элементов системы производственных отношений становящегося способа производства, элементов, на базе которых формируются остальные звенья новой системы. Но такого рода процессы немислимы вне исторически кратковременного надстроечного вмешательства в «системообразующие» производственные отношения старого способа производства, вне уничтожения посредством волевых, политических акций со стороны определенных классовых сил

присущей данному способу формы реальной принадлежности средств производства и вне установления иной формы принадлежности средств производства, выступающей предпосылкой возникновения коренных производственных отношений нового способа производства¹. Иными словами, смена способов производства невозможна без радикального внеэкономического воздействия на ход воспроизводства (без насильственного пресечения процесса исторической эволюции старой системы производственных отношений и создания необходимых условий для начала эволюции новой), без «перерыва постепенности» в экономическом развитии общества, без составляющей момент дискретности в этом развитии *социальной революции*. Не случайно, полемизируя с мелкобуржуазным эволюционизмом Дюринга, Ф. Энгельс приводит слова К. Маркса о революционном насилии, которое «является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым»².

Если развитие производственных отношений при смене способов производства происходит революционным путем, то система производственных отношений уже утвердившегося способа производства осуществляет самовоспроизводство в порядке *эволюционном*.

Вопросы сложной диалектической связи революционной и эволюционной форм исторического развития производственных отношений, достаточно полно освещенные в политико-экономической литературе, выходят за рамки нашего исследования, непосредственный предмет которого — процесс эволюции системы производственных отношений коммунистического способа производства в его первой фазе. Сосредоточивая внимание на методологических проблемах эволюционного развития системы производственных отношений, отметим, что, во-первых, такое развитие в свою очередь не однозначно, а принимает разные формы. Во-вторых, при всех этих формах в системе производственных отношений происходят известные качественные изменения, однако глубина последних существенно различна. Данное обстоятельство и выражается в том, что имеет место либо *смена фаз способа производства*, либо *появление исторических ступеней в рамках фаз*.

---

¹ Более подробно о формах реальной принадлежности средств производства как предпосылках коренных производственных отношений (основного производственного отношения) см. в § 1 гл. II данной работы.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 189.

В политико-экономической литературе последних лет обосновывалась необходимость выделения *двух* качественно различных форм эволюционного развития системы производственных отношений данного способа производства, которые были условно названы «экстенсивной» и «интенсивной»¹. К. Маркс, как известно, не употреблял философских категорий «экстенсивное» и «интенсивное» применительно к развитию системы производственных отношений, но он использовал их при рассмотрении отдельного производственного отношения².

«Экстенсивная» форма эволюции означает изменение совокупности составляющих данную систему производственных отношений (и их законов): отмирание определенного круга (структурной группы) этих отношений и появление нового их круга (структурной группы). «Интенсивная» же форма, не предполагая «экстенсивного» изменения системы, связана с развитием, обогащением, развёртыванием внутренних определенностей собственного относительно самостоятельного содержания уже сложившихся, реально функционирующих, различных производственных отношений и их законов (разумеется, развитие содержания экономических законов предполагает и обогащение формы их действия, образование их новых проявлений).

В связи с выделением двух форм эволюции системы производственных отношений в литературе выдвигалось и второе важнейшее методологическое положение. В соответствии с ним переход от одной фазы способа производства к другой предполагает известное «экстенсивное» изменение системы производственных отношений, отмирание ее определенных элементов и появление

---

¹ Цаголов Н. А. Методологические проблемы концепции развитого социализма. — Вестн. МГУ. Сер. экон., 1982, № 1; его же. Основные черты экономики зрелого социализма и политико-экономические проблемы его изучения. — Экономические науки, 1982, № 12; его же. Вопросы теории производственных отношений социализма. Избранные произведения, с. 15—37. Не применяя предложенных Н. А. Цаговым терминов, концепцию различения двух форм эволюции системы производственных отношений разрабатывают В. В. Куликов и Р. И. Кулиев (Куликов В. В. Экономические критерии развитого социализма. — Вестн. МГУ. Сер. экон., 1981, № 6; Кулиев Р. И. Ступени развития коммунистического способа производства. М.: Экономика, 1984).

² «...Хотя более простая категория исторически могла существовать раньше более конкретной, она в своем полном интенсивном и экстенсивном развитии может быть присуща как раз более сложной форме общества...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 40).

новых элементов. Это и естественно, ибо каждая из фаз способа производства при сохранении общих основ — коренных производственных отношений и их законов — имеет и свои, только ей присущие отношения и законы. Данное «экстенсивное» изменение не затрагивает, таким образом, коренных отношений; в противном случае имела бы место не эволюционная смена фаз данного способа производства, а революционная смена способов производства.

Возникновение же какой-либо исторической ступени в рамках одной и той же фазы способа производства объективно конституируется «интенсивным» развитием системы производственных отношений, т. е. обогащением содержания ее наличных элементов. Такое обогащение затрагивает прежде всего именно «системообразующие» производственные отношения и экономические законы способа производства, его основное производственное отношение и регулирующий последнее основной экономический закон.

Классическим образцом исследования смены фаз способа производства на основе изменения состава элементов системы его производственных отношений служит ленинская теория империализма. Она базируется на выдвинутой в работах Ф. Энгельса 1890-х годов идее образования качественно нового круга отношений капитализма в условиях высокого уровня обобществления производства, развития общественного характера производительных сил.

Ленинская характеристика сути перерастания капитализма в империалистическую стадию (фазу) гласит: «Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность...»¹. Тем самым В. И. Ленин подчеркивал, во-первых, что в системе капиталистических производственных отношений возникают принципиально новые структурные элементы, противоположные «основным свойствам капитализма вообще». Во-вторых, что коренные производственные отношения капиталистического способа производства отнюдь не устраняются. «Чистый империализм без основной базы капитализма, — указывал он, — никогда не су-

¹ Ленин В. И. Полн. собр., соч., т. 27, с. 385.

ществовал, нигде не существует и никогда существовать не будет»¹.

Система производственных отношений капиталистического способа производства в империалистической фазе становится противоречивым единством новых элементов с общими основами этой системы. Для того, чтобы акцентировать специфическое изменение системы производственных отношений, в которой возникает особая группа отношений, противоположных отношениям коренным, В. И. Ленин даже применил термин «надстройка»: *«Империализм есть надстройка над капитализмом»*².

В конституирующем переходе к империалистической фазе процессе В. И. Ленин определяющим считал смену свободной конкуренции монополией: «Смена свободной конкуренции монополией есть коренная экономическая черта, *суть империализма*»³. Если свободная конкуренция «есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще», то монополия, согласно В. И. Ленину, «есть прямая противоположность свободной конкуренции...»⁴.

Какое же имманентное монополии качество составляет «прямую противоположность» свободной конкуренции?

Важнейшие предпосылки решения данной проблемы были намечены Ф. Энгельсом, развивавшим положение К. Маркса, согласно которому эволюция акционерного капитала «в известных сферах... ведет к установлению монополии...»⁵. Ф. Энгельс писал: «Тот факт, что быстро и значительно увеличивающиеся современные производительные силы с каждым днем все сильнее перерастают законы капиталистического товарообмена, в рамках которых должно совершаться их движение... особенно проявляется... в картелях (трестах) фабрикантов целых крупных сфер производства, имеющих целью регулировать производство, а следовательно, цены и прибыль»⁶.

Таким образом, качественно новый момент, составляющий специфику становящегося монополистического капитала,— это элементы сознательного регулирования спроса и предложения, движения цен. Но поскольку

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 151.

² Там же, с. 155.

³ Там же, т. 30, с. 163.

⁴ Там же, с. 27, с. 385.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 481.

⁶ Там же, с. 133—134 (прим.).

в основе соотношения спроса и предложения и соответствующих отклонений рыночных цен от рыночных стоимостей, как показал К. Маркс, лежит распределение затрат общественного труда по отраслям и сферам общественного производства¹, перед нами элементы механизма такого распределения, альтернативного классическому (имманентному капитализму) товарному механизму. Иными словами, перед нами элементы выходящей за рамки отдельных производственных единиц планомерности, прямого воздействия монополий на пропорции межотраслевого распределения общественного труда и априорной увязки этого распределения с системой общественных потребностей в специфических целях получения особой по массе и норме прибыли².

В замечаниях на проект Эрфуртской программы и в «Развитии социализма от утопии к науке» Ф. Энгельс высказался по этому поводу совершенно определенно. Он отмечал, что «если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только *частное производство*, но и *отсутствие планомерности*»³, ибо «в трестах свободная конкуренция превращается в монополию, а бесплановое производство капиталистического общества капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества. Правда, сначала только на пользу и к выгоде капиталистов»⁴.

Прочитав в «Государстве и революции» указание Ф. Энгельса «по поводу слова «отсутствие планомерности...», употребленного в проекте программы (Эрфуртской. — А. М.) для характеристики капитализма», В. И. Ленин определил его как «замечательно ценное указание, которое показывает, как внимательно и вдумчиво следил он (Ф. Энгельс.— А. М.) именно за видоизменениями новейшего капитализма и как сумел он поэтому предвосхитить в известной степени задачи нашей, империалистской, эпохи». И далее, заметив, что в этом указании «взято самое основное в теоретической оценке новейшего капитализма, т. е. империализ-

---

¹ Подробнее см.: Тронеv К. П. Категории рыночная стоимость и рыночная цена в III томе «Капитала» К. Маркса. — Вестн. МГУ. Сер. экон., 1973, № 3.

² Цаголов Н. А. Вопросы теории производственных отношений социализма. Избранные произведения, с. 46.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 234.

⁴ Там же, т. 19, с. 221.

ма, именно, что капитализм превращается в монополистический капитализм», В. И. Ленин подчеркнул: хотя полной планомерности, «конечно, тресты не давали, не дают до сих пор и не могут дать», они «дают планомерность, поскольку магнаты капитала наперед учитывают размеры производства в национальном или даже интернациональном масштабе, поскольку они его планомерно регулируют...»¹ На положение Ф. Энгельса о неудовлетворительности «такой постановки вопроса о капитализме, которая не учитывает роли трестов, которая говорит: «капитализм отличается отсутствием планомерности»», В. И. Ленин ссылаясь и в выступлении на Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). Он указывал на «введение планомерности», на то, что «капиталисты берут прибыль более «планомерно»», и на «прямое перерастание капитализма в высшую планомерную форму его»².

Таким образом, исторический переход от фазы классического капитализма к империалистической фазе связан с известным «экстенсивным» изменением системы производственных отношений, с образованием особой структурной группы отношений и законов в рамках капиталистического общественно-экономического базиса. Это изменение, означающее появление особой «надстройки» над общими основами капитализма, базируется на подрывающем товарное производство³ становлении принципиально нового — монополистического — отношения. Последнее, как уже отмечалось, несет в себе элементы выходящей за пределы отдельной воспроизводственной единицы (и охватывающей межотраслевые пропорции распределения общественного труда) планомерности. Тем самым монополизация обуславливает начало вытеснения закона средней прибыли и возникновение закона монопольно высокой прибыли⁴.

Классики марксизма-ленинизма дали также образцы политико-экономического анализа возникновения и смены определенных исторических ступеней внутри отдельных наличных фаз способа производства. Этот анализ базируется не на открытии появляющихся экономических отношений и законов, а на прослеживании «интен-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 67—68.

² Там же, т. 31, с. 444.

³ Там же, т. 27, с. 322.

⁴ «...Монополия дает *сверхприбыль*, т. е. избыток прибыли сверх нормальной, обычной во всем свете капиталистической прибыли» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 173).

сивного» изменения системы производственных отношений, т. е. на изучении процесса развития собственного содержания и эволюции форм проявления уже сложившихся коренных отношений и законов.

Прежде чем непосредственно обратиться к этим примерам, остановимся на встречающейся в литературе концепции, согласно которой закон вообще и экономический закон в частности не способен к развитию, не может во всяком случае претерпевать изменений качественного порядка¹.

При принятии данной посылки вопрос о специфических политико-экономических критериях вычленения исторических ступеней внутри отдельных фаз способов производства, которые (фазы) характеризуются одной и той же совокупностью производственных отношений и их законов, стал бы, по-видимому, фактически неразрешимым. Однако подобная позиция представляется уязвимой с точки зрения как общеметодологической, так и специфически политико-экономической.

Конечно, закон как нечто «однопорядковое», «одностепенное» с сущностью², не может не заключать в своем движении момента качественного тождества себе самому, не обладать известной устойчивостью, неизменностью, не сохранять некоторые всеобщие черты. Вне данной определенности закон просто не существует³. И тем не менее момент «прочного», «спокойного», «остающегося», «идентичного» в законе (сущности) не абсолютен, а относителен. Это так прежде всего потому, что законы всегда есть законы определенных отношений, в которых соотносящиеся стороны находятся в *противоречивом*, следовательно, не статичном, а динамичном состоянии. Уже самый факт отношения, отмечал Ф. Энгельс, «означает, что в нем есть две стороны, которые относятся друг к другу. Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления... а действительный процесс... то и противоречия эти развиваются на практике...»⁴.

Внутренние противоречия экономических законов, противоречия «в самой сущности» производственных отношений, выступая как «развивающиеся на практике», толкают законы как таковые к изменению, эволюции. «В собственном смысле диалектика, — подчеркивал В. И. Ленин, — есть изучение противоречия в *самой сущности предметов*: не только явления переходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и *сущности вещей* также»⁵.

¹ «...Сам закон не развивается, т. е. качественно не изменяется... процесс развития... состоит не в развитии каждого данного закона, а в смене одного закона другим...» (Кронрод Я. А. Законы политической экономии социализма: очерки методологии и теории. М.: Мысль, 1966, с. 122—123).

² «...Закон и сущность понятия однородные (однопорядковые) или вернее, одностепенные...»; «закон есть существенное явление»; «закон есть отражение существенного в движении универсума» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 136, 137).

³ «Закон есть прочное (остающееся) в явлении»; «закон — идентичное в явлении»; «закон берет спокойное...» (там же, с. 136).

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 497—498.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 227.

Так, в I главе первого тома «Капитала» К. Маркс рассматривал эволюцию меновой стоимости (формы стоимости) не просто как обогащение формы действия закона стоимости (существенного стоимостного отношения), который остается абсолютно неизменным. Это обогащение формы вызывается к жизни развитием самого закона как такового, его внутренних противоречий. Становление внешней противоположности относительной и эквивалентной форм от несущественного различия в простой форме стоимости до «полярной противоположности» в денежной¹ выступает у К. Маркса следствием развития внутренних противоречий товара, в конечном счете — наиболее глубинного, основного его противоречия между частным и общественным трудом.

Так, начало истории товарного производства (и его основного закона — закона стоимости), связанное с появлением зародыша противоречия частного и общественного труда (эпизодическая работа одной общины на другую одновременно с их взаимной обменностью), вызвало к жизни лишь простую (случайную) форму стоимости: «...обмен совершается лишь в немногих пунктах (первоначально — на границах отдельных первобытных общин, при их соприкосновении с чужими), он ограничен узким кругом и составляет для производства нечто преходящее, побочное; он прекращается так же случайно, как и возникает»². И именно по поводу степени развитости товарного (стоимостного) отношения как такового, выражающегося в простой форме стоимости, К. Маркс замечал: «...те обстоятельства, при которых какое-нибудь отношение впервые появляется, отнюдь еще не показывают нам это отношение ни в его чистоте, ни в его целостности»³. Нарастание «чистоты и целостности» товарного отношения и закона стоимости как таковых, происходящее вследствие углубления основного противоречия товарного производства (в связи с прогрессом общественного разделения труда, с одной стороны, со становлением и развитием частной собственности — с другой) приводит к развертыванию обмена и далее к возникновению всеобщей (с появлением товаров, выполняющих роль всеобщего эквивалента) и денежной (с появлением денег как таковых, т. е. с монополизацией роли всеобщего эквивалента золотом) форм стоимости. В самом общем виде К. Маркс выразил этот процесс зависимости эволюции выражения стоимости от эволюции самой стоимости как сущности (закона) следующей формулой: «...в той же самой мере, в какой осуществляется превращение продуктов труда в товары, осуществляется и превращение товара в деньги»⁴.

В III главе первого тома «Капитала», посвященной деньгам, К. Маркс отмечал, что именно «развитие товара» (и, следовательно, закона стоимости как такового) создает форму движения его внутренних противоречий в отношениях обмена, противоречащих и исключających друг друга⁵. Однако, согласно К. Марксу, развитие товара, стоимости, закона стоимости и соответствующих внутренних противоречий не завершается эволюцией форм меновой стоимости, а продолжается в эволюции форм (функций) денег. Стоимость, писал он, «как овеществленное количество общественного рабочего времени продолжает, будучи объективирована в обращении, раз-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 160.

² Там же, т. 46, ч. I, с. 150.

³ Там же.

⁴ Там же, т. 23, с. 97.

⁵ Там же, с. 113.

виваться вплоть до своего бытия в качестве денег как сокровища и всеобщего платежного средства»¹. При этом каждая последующая функция денег, являясь более высокой ступенью развития самих денег, выступает и более высокой ступенью развития товарного отношения и закона стоимости как таковых.

Не вызывает также сомнения, что глубоко и всесторонне исследованные в «Капитале» К. Маркса развитие производства абсолютной прибавочной стоимости в производство относительной прибавочной стоимости, дополнение формального подчинения труда капиталу реальным, дальнейшая эволюция форм капитала и прибавочной стоимости выражают огромную историческую эволюцию основного производственного отношения и основного экономического закона как таковых, имманентного им противоречия между капиталистом и наемным рабочим. Методологическая идея развития самого отношения наемного труда и капитала и антагонистического противоположения этих сторон, столь блестяще теоретически реализованная в третьем—пятом отделах первого тома «Капитала», была четко сформулирована уже в ранних произведениях К. Маркса, в частности в «Экономическо-философских рукописях 1844 года»².

Марковские методологические принципы анализа экономических законов, развивающихся на базе имманентных им противоречий, еще не нашли своей полной реализации в политической экономии социализма. И не случайно перед обществоведами поставлена задача изучения внутренних противоречий социальных процессов, являющегося предпосылкой использования этих противоречий в качестве источника и стимула поступательного развития социализма³. Трактовка же экономических законов как неразвивающихся вряд ли способствует анализу противоречий в «самой сущности» производственных отношений. И напротив, положение о развитии экономических законов, акцентируя вопрос об источнике этого развития, актуализирует проблему противоречия в политической экономии. Ибо как взаимодействие сторон регулируемого данным экономическим законом производственного отношения, так и развитие этого отношения (и его закона) может, согласно марксистско-ленинской методологии, иметь своим источником противоречие и только противоречие.

В политико-экономической литературе неоднократно поднимался вопрос о том, что развитие экономического закона и регулируемого им производственного отношения как сущности (в отличие от форм проявления) выступает как *развитие их собственного содержания*⁴. Представляется, что обращение к философским категориям «содержание» и «форма», к их соотношению с категориями «сущность (закон)» и «форма» вполне оправдано, плодотворно для углубления понимания механизма развития экономического закона и для преодоления точки зрения о невозможности такого развития.

Категории «содержание» и «форма» конкретизируют соотношение категорий «сущность (закон)» и «форма» по линии теоретического отражения реального момента «небезразличия» сущности (за-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 468.

² Там же, т. 42, с. 106—107.

³ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года, с. 33.

⁴ Например, см.: Вестн. МГУ. Сер. экон., 1974, № 5, с. 38; Известия АН СССР. Сер. экон., 1981, № 4, с. 15; Экономические науки, 1982, № 12, с. 15.

кона) к своей форме, момента однозначного определения формы ее сущностью (законом)¹.

Конечно, в силу исходных определенностей «устойчивого», «сохраняющегося», «остающегося качественно равным себе самому» сущность (закон) несет прежде всего свойство «безразличия» к форме проявления и может выступать в самых разных формах (следствиях). Эволюция форм здесь оказывается определяемой не сущностью (законом), а какими-то внешними по отношению к последней обстоятельствами. Так, уже в развернутом меновом отношении стоимость товара *A* как сущность (закон) может проявиться в потребительной стоимости и товара *B*, и товара *V*, и товара *Г* и т. д. Каждая из перечисленных потребительных стоимостей выступает как форма выражения стоимости товара *A*, и для последней «безразлично», в какой конкретно из этих потребительных стоимостей она проявится. Если же говорить о меновой стоимости (форме стоимости) в целом, то очевидно, что стоимость как таковая, как сущность (закон) проявляется и в простой, и в развернутой, и во всеобщей, и в денежной формах. Движение этих форм выявляет стоимость как их всеобщую основу (сущность, закон), их объективно тождественное, сохраняющееся внутреннее свойство, для которого как такового, следовательно, «безразлично», в какой из форм проявится, а «важен» лишь сам факт проявления, «оформления».

Равным образом с точки зрения закона прибавочной стоимости как сущности, сохраняющейся качественно равной себе самой в эволюции форм производства прибавочной стоимости (при переходе от производства абсолютной к производству относительной прибавочной стоимости), «безразлична» конкретная форма проявления, а «важен» лишь тот факт, что в обеих формах закон (специфически капиталистический способ выжимания прибавочного труда непосредственного производителя) реализуется, обнаруживается, становится действительным.

Абсолютизация реального момента «равнодушия» закона (сущности) к форме проявления, по-видимому, и порождает мнение, согласно которому развитие и смена форм проявления закона происходят вне эволюции самого закона как такового². На самом деле в любом случае соотношения закона (сущности) и формы его проявления имеет место и момент «небезразличия» первого ко второй, момент «заданности» формы ее законом (сущностью). Речь идет о том, что закон как определенное основание проявляется не в следствии вообще, а в определенном следствии. Сущность (закон) в рассматриваемом отношении заключает уже свойство *содержания*, а изменение форм, переход от одних форм к другим оказываются результатом тех или иных изменений в этом содержании.

Так, стоимость товара *A* (находящегося в относительной форме) в качестве сущности заключает возможность, как отмечалось выше, проявиться в разных потребительных стоимостях (в этом и состоит момент «равнодушия» сущности к форме). Однако эта стоимость может проявиться исключительно лишь в потребительной стоимости другого товара. И не просто в потребительной стоимости, а только в такой, которая сама есть продукт труда и, следо-

¹ Гегель. Наука логики. Т. 2. М.: Мысль, 1971, с. 84.

² Так, относительно «каждого из законов» Я. А. Кронрод писал: «...развивается не он в качестве закона, а формы его действия, проявления...» (Кронрод Я. А. Законы политической экономии социализма: очерки методологии и теории, с. 123).